

Флоринский Тимофей Дмитриевич

**Новейшие труды по изучению южно-
славянской старины и народности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
Т41

Т41 Тимофей Дмитриевич Ф.
Новейшие труды по изучению южно-славянской старины и народности / Флоринский Тимофей Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 51 с.

ISBN 978-5-521-28450-4

ISBN 978-5-521-28450-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

заключаются главнѣйше въ грамотахъ и Законникѣ Душана; но такъ какъ этого матеріала оказывалось недостаточно для изображенія въ полной картинѣ древняго села, то онъ обратился къ этнографическимъ описаніямъ болѣе новаго времени, исходя изъ того положенія, что основы сербской народной жизни оставались неизмѣнными и въ турецкую эпоху и позже съ восстановленіемъ сербскаго государства до введенія въ немъ новыхъ порядковъ и законовъ. Такимъ образомъ въ изслѣдованіи г. Новаковича показанія древнихъ историческихъ источниковъ постоянно чередуются съ наблюденіями и выводами путешественниковъ и изслѣдователей народной жизни новаго времени. Противъ такого приѣма не приходится возражать; правильность его и приносимая имъ польза весьма замѣтны во многихъ мѣстахъ книги г. Новаковича. Намъ вѣжется только, что примѣненіе этого метода требуетъ значительной осторожности. Провѣрка скудныхъ, иногда неясныхъ свидѣтельствъ памятниковъ данными новѣйшей традиціи не рѣдко даетъ прекрасные результаты; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы историкъ имѣлъ право приурочивать глубокой старинѣ тѣ явленія и стороны народной жизни новаго времени, о которыхъ совсѣмъ молчатъ древніе памятники. Признавая вмѣстѣ съ авторомъ, что въ народномъ бытѣ сербовъ, какъ и другихъ юго-славянъ, до недавняго времени сохранялось, а частью и теперь сохраняется много старыхъ началъ, мы не можемъ допустить, чтобы основы народной жизни сербовъ оставались въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ безъ измѣненія. Напротивъ, полагаемъ, что въ извѣстной степени онѣ должны были подвергаться тѣмъ или инымъ превращеніямъ и передѣлкамъ. Если новѣйшій государственный строй повліялъ на народный семейный и общественный бытъ, то вѣчто подобное, хотя и не въ столь большихъ размѣрахъ должно было произойти въ періодъ продолжительнаго турецкаго владычества. Да и во времена стараго сербскаго государства формы общественнаго быта и строя несомнѣнно проходили извѣстныя ступени развитія, а не представляли чего-то разъ установившагося, цѣльнаго, законченнаго. Поэтому мы не можемъ согласиться съ выставленнымъ въ книгѣ г. Новаковича положеніемъ, что въ жизни сербскаго села существуютъ только два періода: одинъ—со времени поселенія сербовъ въ занимаемыхъ ими нынѣ земляхъ до введенія новыхъ учреждений въ восстановленномъ государствѣ, другой—отъ этого времени. Отсюда явствуется общій характеръ труда г. Новаковича; въ немъ дана

не історія сербського села, а характеристика села вообще въ старое время. Задача эта выполнена весьма удачно; по при всемъ томъ рѣшеніе ея оставляетъ открытымъ и даже не поставленнымъ цѣлый рядъ любопытныхъ чисто историческихъ вопросовъ, напр.: какія обще-славянскія черты представляло сербское село, какія стороны въ жизни и организаціи сербського села возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и какія должны быть отнесены на долю византійскаго вліянія; какія перемѣны происходили въ положеніи сельскаго населенія въ разные эпохи и въ разныхъ частяхъ сербской территоріи и т. п. Мы признаемся, что рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ, при скудости источниковъ для внутренней історіи сербського народа представляетъ большія трудности, но все же оно не невозможно.

Исслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Въ первой разсматривается село какъ „единица государственнаго и народнаго организма“, при чемъ дана общая характеристика населенія древней Сербіи (1—73). Авторъ отправляется отъ разбора старыхъ названій государства и его частей. Онъ опредѣляетъ по памятникамъ значеніе терминовъ: „земля“, „область“, „держава“, „жуּпа“, „градъ“; вкратцѣ касается вопроса о жуּпѣ и объ отношеніяхъ городовъ къ жуּпамъ и переходитъ къ главному предмету своей работы—самой малой единицѣ государственнаго организма—селу. Старое сербское государство складывалось изъ земель и областей, которыя дѣлились на жуּпы съ ихъ средоточіями—городами; жуּпы же состояли изъ селъ. Такимъ образомъ село прежде всего стоитъ въ тѣсной связи съ жуּпой. Не входя въ подробное изслѣдованіе вопроса объ организаціи жуּпы, г. Новаковичъ высказываетъ оригинальныя замѣчанія о значеніи жуּпы какъ государственной единицы. По его мнѣнію, жуּпа не представляла внутренняго единства и цѣльности. Находящіяся въ источникахъ упоминанія о жуּпныхъ повинностяхъ, о круговой отвѣтственности жуּпы въ уголовныхъ дѣлахъ, а равно неясное свидѣтельство о существованіи сборовъ въ пользу жуּпы (приплата жуּпска, данаѣ жуּпски) еще не даютъ основаній заключать о какой-либо общественной организаціи жуּпы. Жуּпа прежде всего терминъ географическій и административный. Связью составныхъ частей жуּпы служили: единство верховной власти въ лицѣ владѣльца жуּпы (баштинника или провїара) или поставленнаго царемъ правителя, и общій центръ — *градъ*. Иное значеніе имѣло село. Оно было настоящимъ средоточіемъ народной жизни. Оно представляло собой

ту жизненную, дѣятельную силу, которою жила жупа. Что въ источникахъ приписывается жупѣ, въ дѣйствительности выполняли села; т. н. жупныя повинности распредѣлялись между жупными селами, при этомъ такъ, что въ каждой жупной повинности участвовали не только всѣ села одной жупы, а часто села другихъ сосѣднихъ жупъ. Село есть первообразъ общественнаго народнаго учрежденія и тождественно съ общиной современнаго сербскаго государства.

Всѣ эти соображенія почтеннаго автора, достаточно оправдывающія живой интересъ къ изученію сербскаго села, заслуживаютъ полнаго вниманія. Но мнѣніе его относительно значенія жупы въ народной и государственной жизни представляется намъ недостаточно обоснованнымъ. Вопросъ о жупѣ и ея организація еще не подвергался тщательному анализу. Для рѣшенія его слѣдовало бы собрать всѣ представляемыя источниками упоминанія о жупахъ; пока это не сдѣлано, едва ли возможны какія-либо окончательныя заключенія. Впрочемъ, и тѣ данныя, которыя приводитъ г. Новаковичъ, на мой взглядъ имѣютъ значеніе бѣльшее чѣмъ то, какое имъ придаетъ авторъ. „Жупски данак“ и „жупска приплата“ (хотя бы мы въ точности не знали, что обозначается этими терминами) и круговая отвѣтственность жупы по уголовнымъ процессамъ, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ объ извѣстности цѣльности, сплоченности частей жупы, какъ опредѣленной общественно-государственной единицы, для которой можно предполагать внутреннюю организацію. Въ этомъ отношеніи весьма важна указываемая авторомъ 152 (по призр. сп.) ст. Законника Душана, цитируемая имъ не въ полномъ видѣ и толкуемая произвольно. Въ книгѣ г. Новаковича сказано: „Најпосле се целина жупе види још. пз чл. 152, у коме се говори да се лопов или разбојник, ухваћен у крађи или грабежу, може предати *жупи* или *селу*, али ту се, без сумње, целина жупе мисли само у њеном старешини“. Между тѣмъ въ текстѣ статьи стоитъ: или их прѣда жупѣ, или селомъ, или господаремъ, или властелину кди њ надъ нымъ откуда видно, что *жупа* здѣсь отнюдь не отождествляется съ ея главнымъ представителемъ—*господаремъ*, а прямо противопоставляется и ему и селу, какъ особый общественно-государственный факторъ ¹⁾). Наконецъ, можно прибавить, что разъяснені-

¹⁾ Кстати будетъ замѣтить, что означенная статья Законника, кажется, правильнѣе читается въ первомъ Григоровичевомъ спискѣ: Симъ зи образомъ да се каже тать и гоу

вопроса о сербской жупѣ можетъ быть облегчено сравнительнымъ изученіемъ жупы и жупной организаціи у другихъ славянъ.

Послѣ указанныхъ общихъ вопросовъ авторъ приступаетъ къ описанію села со стороны образа жизни и занятій его обитателей. Онъ различаетъ два главныхъ типа сель—съ пастушескимъ населеніемъ и земледѣльческимъ. Первые имѣли особое названіе *катуновъ* и жители ихъ назывались влахами и арбанасами; вторымъ исключительно принадлежало названіе сель. Здѣсь г. Новаковичъ останавливается главнымъ образомъ на катунахъ и даетъ прекрасно составленный очеркъ быта и занятій влаховъ, для чего пользуется какъ показаніями старыхъ источниковъ, такъ описаніями остатковъ пастушескаго быта въ Сербіи и Болгаріи, принадлежащими новѣйшимъ путешественникамъ. Происхожденіе катуновъ и развитіе пастушеской жизни также, какъ многое другое, не освѣщено съ исторической точки зрѣнія. Авторъ дѣлитъ сельское населеніе въ старомъ Сербскомъ государствѣ на пастуховъ и земледѣльцевъ, при чемъ среди влаховъ различаетъ осѣдлыхъ, имѣющихъ села, и кочевниковъ, и рассматриваетъ эти двѣ различныя формы быта какъ одинаково исконныя и присущія сербскому народу. Между тѣмъ развитіе въ Сербіи пастушескаго быта несомнѣнно должно быть отнесено на долю туземнаго неславянскаго населенія, господствовавшаго въ странѣ до поселенія сербовъ. На это указываютъ самыя названія: катуны, влахи, арбанасы. Въ древнѣйшую пору существованія Сербскаго государства представителями пастушескаго быта были если не исключительно, то преимущественно настоящіе влахи (т. е. румыны, романизованные еракійцы) и албанцы; съ теченіемъ времени послѣдніе смѣшались съ сербами, которые преимущественно занимались земледѣліемъ, и тогда имена влаховъ и арбанасовъ получили значеніе нарицательныхъ для обозначенія пастуховъ т. е. людей, занимающихся только скотоводствомъ. Въ сербскихъ грамотахъ XIII и особенно XIV в. сохранилось не мало мѣстныхъ и особенно личныхъ именъ румынскаго происхожденія (Бул,

сарь облични и такози въ обличеннѣ, ако се що где оу них или ако их
ухвате оу гоусѣ или оу крагы, или их прыда жоупа, или села, или господари, или вла-
стелѣ кои соу над ними, како ѣсть выше оуписано, тизи гоусариѣ и тати да се не
помилоую, нѣ да се ослѣпе и обѣсе. (Ср. наше сочиненіе Памятники законодательной дѣл-
тельности Душана. К. 1888. Приложение I, стр. 70).

Грипон, Барбот, Радул, Мотул и др.). На основаніи этихъ и другихъ данныхъ слѣдуетъ заключать, что въ указанный періодъ среди пастушескаго населенія Сербіи было значительное количество настоящихъ влаховъ, т. е. румыновъ. Инородческій элементъ между влахами усматриваетъ и г. Новаковичъ, но повидимому, не признаетъ за нимъ большаго значенія и не отмѣчаетъ его вліянія на развитіе въ Сербіи пастушескаго быта. Между тѣмъ въ такой работѣ какъ настоящая весьма желательно было бы найти сводъ всѣхъ имѣющихся въ источникахъ указаній на румынскій элементъ въ населеніи древней Сербіи. Наши замѣчанія сводятся къ тому заключенію, что едва ли правильно при изученіи самой дробной единицы государственнаго организма Старой Сербіи ставить на одну линію чисто сербское село и влашскій катунъ. Между обоими типами населенныхъ мѣстъ была существенная разница и въ происхожденіи, и въ этнографическомъ составѣ населенія, и въ организаціи. Да и относительно административно-правоваго положенія едва-ли можно приравнивать катунъ къ селу. Тогда какъ села входили въ составъ жупы, о катунахъ нельзя этого утверждать съ достовѣрностью. Самъ г. Новаковичъ полагаетъ, что катунъ не входили въ составъ жупы.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства сельскій людъ въ древней Сербіи занимался ремеслами. По селамъ нерѣдко упоминаются разные „майстори“ (ковачи, дрводеље, шавице, кожаре, седларе, грнчаре, зидаре, златаре). Авторъ внимательно собралъ изъ источниковъ свѣдѣнія объ этомъ классѣ населенія, освѣтивъ эти свѣдѣнія параллелями изъ сообщеній новѣйшаго времени.

Во второй главѣ (73—115) описываются внѣшніе признаки села какъ административной единицы. Село имѣло опредѣленныя границы, которыя подробно обозначаются въ актахъ; вопросъ о границахъ имѣлъ въ старину важное значеніе, которое разъяснено авторомъ весьма полно и обстоятельно. Село имѣло свои права и обязанности. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ г. Новаковичъ ставитъ отвѣтственность села за совершенныя въ его предѣлахъ уголовныя преступленія; какъ то поджоги, сожиганіе умершихъ, принимаемыхъ за вампира, убійство, кражи и грабежи. Въ строгой опредѣленности границъ и въ общей уголовной отвѣтственности и заключаются главныя указанія источниковъ на цѣльность и внутреннее единство села, какъ административной единицы. Относительно организаціи сельскаго управленія историческихъ свидѣ-

тельствъ почти нѣтъ. Изъ одной статьи Законника извѣстно, что главная власть въ селѣ принадлежала старѣйшинѣ, который носитъ названія *кнеза, примикура, предстойника*, или *челника*. Какъ велики были права этихъ старѣйшинъ, была ли и, если была, то въ чемъ состояла разница въ положеніи старѣйшинъ; всегда ли старѣйшины были выборные, или назначались владѣльцами селъ—на всѣ эти вопросы нѣтъ никакого отвѣта въ источникахъ. Основываясь на двухъ краткихъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на данныхъ объ организаціи сельскаго управленія въ новѣйшее время, почтенный авторъ признаетъ для древне-сербскаго села существованіе и другого органа управленія—„сельскаго схода“ (збор.). Но такое мнѣніе можетъ быть принято не болѣе какъ предположеніе, такъ какъ упомянутыхъ двухъ свидѣтельствъ ¹⁾ слишкомъ недостаточно для рѣшенія вопроса, а приурочивать къ XIII—XIV ст. порядки въ жизни села, подмѣченные въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣсколько смѣло.

Третья глава (115—182) посвящена внутреннимъ отношеніямъ села. Здѣсь авторъ даетъ рядъ мастерски обработанныхъ изслѣдованій о „засельяхъ или засельцахъ“ и „селищахъ“, о непостоянствѣ и подвижности сельскаго населенія и о правахъ поселянъ на землю. Основное положеніе, доказанное въ этой части книги, состоитъ въ томъ что земля села со всѣми угодьями оставалась неизмѣнной въ своемъ объемѣ и цѣлости, населеніе же вслѣдствіе притѣсненій со стороны привилегированныхъ владѣющихъ классовъ часто передвигалось съ мѣста на мѣсто, мѣняя села. Въ связи съ этимъ постояннымъ передвиженіемъ сельскаго люда, которое, какъ извѣстно, было ограничено, а потомъ и запрещено Законникомъ Душана, стояло образованіе засельковъ и превращеніе селищъ въ села. Г. Новаковичу принадлежит заслуга выясненія истиннаго значенія термина „селище“ который такъ затруднялъ Даничича, въ концѣ концовъ отождествившаго *селище* съ *селомъ*. Нашъ авторъ доказалъ, что селище было не что иное, какъ пустое, покинутое населеніемъ село. Селище могло быть предметомъ купли или продажи и въ томъ или другомъ случаѣ, или даже независимо отъ него, могло получить новыхъ обитателей.

¹⁾ Въ Дечанскомъ хрисовулѣ говорится что новое размежеваніе двухъ селъ произвѣдиль Богданъ судья и „с'боръ тѣхъ' зи селъ“; в Призрѣнскомъ хрисовулѣ Душана упоминается, что границы одного поселка шли „прѣкымъ путемъ на з'боръ“.

Составъ населенія селъ въ отношеніи сословныхъ и имущественныхъ правъ былъ весьма разнообразный: въ селѣ жили и мелкіе баштинники (себры), т. е. поселяне, владѣвшіе землей на правахъ наследственной собственности, новыя поселенцы безъ баштинъ, но свободные, меропхи (т. е. люди жившіе на чужой землѣ) и отроки (т. е. рабы), попы—баштинники и неимущіе своей собственностью, а получавшіе три нивы и т. д. Независимо отъ различныхъ правъ на землю разныхъ классовъ сельскаго люда, село какъ нѣчто цѣлое и единое, какъ община имѣла право на пользованіе лѣсомъ, выгономъ и пр. Къ сожалѣнію, умѣстный здѣсь вопросъ объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ настоящимъ владѣльцамъ селъ, какими были краль, или властели, или церковь, едва затронутъ авторомъ, вѣроятно потому что онъ связывается съ другимъ очень важнымъ и еще неизслѣдованнымъ съ достаточною полнотою вопросомъ о сословіяхъ въ старомъ сербскомъ государствѣ, главнѣйше съ вопросомъ о себрахъ и меропхахъ.

Не менѣе цѣнна четвертая и послѣдняя глава „имущественныя личныя и податныя отношенія старыхъ селъ“ (183 и 250). Здѣсь авторъ занимается главнымъ образомъ двумя общими вопросами большой важности: объ общинномъ сельскомъ землевладѣніи (сельская за-друга) и о семейной задругѣ. Основываясь на показаніяхъ древнихъ памятниковъ, на современномъ положеніи сербскаго села а также на выводахъ новѣйшихъ извѣстныхъ изслѣдователей (какъ Фюстель де Куланжъ, Ефименко), считающихъ невозможнымъ доказать для древняго времени существованіе въ селахъ общиннаго землевладѣнія, г. Новаковичъ рѣшаетъ первый вопросъ въ томъ смыслѣ, что и въ Старой Сербіи село не имѣло никакой общей собственности кромѣ лѣса и выгона. Не отрицая извѣстнаго значенія за соображеніями почтеннаго автора, мы не думаемъ, однако, чтобы предположенное имъ рѣшеніе спорнаго и труднаго вопроса можно было считать окончательнымъ. Критикой (статья ак. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie Bd. XV; 115—116) уже указаны въ древнихъ памятникахъ тексты, приводящіе къ иному заключенію (Напр. статья Законника Душана: *Отроки и мерьпси коп се(де) заједно оу њедномъ селоу, вьсака плата коп приходи да плакѣго вьси заједно на люди, како платоу плакѣю и работоу работаю, такози и земљу да дрѣже*¹⁾). Извѣстно также, что

¹⁾ Наше изслѣдованіе „Памятники законодательной дѣятельности Душана“. Приложенія. 3).

проф. О. И. Успенскій въ изслѣдованномъ имъ т. н. Хиландарскомъ практикѣ XIV в.¹⁾ нашелъ ясныя указанія на существованіе по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нераздѣльной крестьянской общины и общиннаго землевладѣнія. Нашъ авторъ былъ знакомъ съ изслѣдованіемъ проф. Успенскаго, но, повидимому, упустилъ изъ виду нѣкоторые изъ указанныхъ послѣднимъ фактовъ.

Вопросъ о семейной задругѣ въ древней Сербіи обслѣдованъ г. Новаковичемъ всесторонне и глубоко. Выводы автора прочно обоснованы и не вызываютъ никакихъ возраженій. Главнѣйшіе изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ. Общераспространенное мнѣніе о разцвѣтѣ задружнаго быта въ старомъ Сербскомъ государствѣ не подтверждается показаніями источниковъ. Задруга, конечно, существовала но рядомъ съ ней была распространена инокоштина (т. е. раздѣльное, подворное хозяйство). Экономическія финансовыя и соціальныя условія въ древней Сербіи не благопріятствовали, а скорѣе мѣшали развитію задруги. Государственная власть содѣйствовала раздѣленію семей и законами опредѣляла границы задружнаго быта. Большихъ задругъ въ 50—80 душъ наблюдаемыхъ и описанныхъ въ позднѣйшее время, въ старину не было; обыкновенная цифра мужчинъ—членовъ задруги, 7, 8, 9, 10, 11; задруги, состоящія изъ 13, 14, 15, 16 мужчинъ—встрѣчаются гораздо рѣже. На свободныхъ земляхъ и тамъ, гдѣ населеніе вообще менѣе было подавлено господствующими массами, задруги были численнѣе, сильнѣе. Въ эпоху туредкаго владычества вслѣдствіе разныхъ причинъ, (главнѣйше невмѣшательства правительства въ семейную жизнь народа, потребности усилить самооборону семьи въ виду общественной небезопасности, насилій, неправдъ и т. п.) задруга, какъ чисто-народный институтъ, лежащій въ основѣ народной жизни, получила условія болѣе благопріятныя ея внутреннему развитію и болѣе широкому распространенію.

Изъ частныхъ этой главы отмѣтимъ любопытныя соображенія автора о величинѣ сербскихъ селъ встарину, о распредѣленіи налоговъ и повинностей между населеніемъ, о числѣ представителей духовенства по селамъ и др.

Въ общемъ книга ак. Новаковича „Село“, несмотря на указанные недостатки и нѣкоторую неполноту, представляетъ замѣчатель-

¹⁾ Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в. Одесса 1883.

ное явленіе въ разработкѣ внутренняго состоянія стараго сербскаго государства.

Полнаго вниманія заслуживаютъ и меньшія работы однороднаго содержанія того же автора. Въ этюдѣ подъ заглавіемъ „*Град, три, варош*“, опять составляющемъ лишь отрывокъ изъ предпринятаго г. Новаковичемъ сочиненія о городахъ и торгахъ въ старомъ сербскомъ государствѣ, выяснено на основаніи историческихъ свидѣтельствъ значеніе указанныхъ въ заголовкѣ названій населенныхъ мѣстъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе любопытныхъ замѣчаній автора. Древній *градъ* вмѣщалъ въ себѣ стоящее на возвышенномъ мѣстѣ укрѣпленіе или собственный *градъ* (мѣстопребываніе власти) и прилегающій къ нему поселокъ или т. н. *подградье*, въ которомъ обитали рудари, торговцы, мастера. Отсюда въ старинномъ языкѣ слово *градъ* обозначало не только укрѣпленіе или замокъ, но и населеніе укрѣпленія и прилегающей къ нему мѣстности. Очень рано подградья, какъ средоточія торговли, получили особыя названія *торговъ* (*три*). Слово *торгъ* могло имѣть и другое значеніе. Оно примѣнялось къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ не было постоянного торговаго населенія и торговля производилась только въ извѣстное время, напр. близъ церквей и монастырей въ храмовые праздники, при переправахъ черезъ рѣки, и пр. Первоначально въ этихъ мѣстахъ были обыкновенныя села и для торговли назначались извѣстныя мѣста и опредѣленные дни, но потомъ, съ развитіемъ значенія такихъ селъ, въ нихъ появились торговыя заведенія и мастерскія ремесленниковъ и село превращалось въ *торгъ*. Такъ возникали торговые поселки помимо *градовъ*. Для обозначенія временныхъ *торговъ* употреблялись и другія названія: греческое *панаѳур* или *панагиръ*—торгъ въ храмовые праздники, и турецкое *пазар*, входящее въ употребленіе въ XV в. Последнее могло обозначать и постоянный *торгъ*—торговое мѣстечко, какъ это видно изъ названія города Новый Пазаръ. Слово *варош*, тоже иностраннаго происхожденія, самое употребительное въ современномъ сербо-хорватскомъ языкѣ для обозначенія города въ противоположность селу, впервые встрѣчается въ памятникахъ XV ст., но проникло оно въ языкъ несомнѣнно раньше. Въ томъ же значеніи оно встрѣчается у словинцевъ (*varaš*), болгаръ, угорскихъ русскихъ, румынъ (*ораш*), грековъ (*ζαροσι*), албанцевъ и турокъ. Весьма любопытно, что г. Новаковичу удалось найти въ древнихъ памятникахъ указаніе на употребленіе слово *мѣсто*

въ значеніи городского населенія; въ такомъ значеніи это слово, однако, не удержалось въ сербо-хорватскомъ языкѣ. Иначе было въ чешскомъ и польскомъ языкахъ.

Въ другомъ историческомъ этюдѣ „*Srpska baština u starijim turskim zakonima*“ г. Новаковичъ возвращается къ весьма важному вопросу, затронутому имъ въ одномъ изъ прежнихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ „Пронижари и баштиници“. Отстаивая извѣстную уже намъ мысль о томъ, что съ завоеваніемъ Сербскаго государства турками не произошло существенныхъ перемѣнъ какъ вообще въ государственномъ и общественномъ строѣ, такъ и въ частности въ формахъ землевладѣнія, авторъ доказывалъ, что, между прочимъ, въ турецкое время удержалась сербская баштина. Теперь онъ подтверждаетъ это положеніе рядомъ выписокъ изъ султанскихъ бератовъ и другихъ турецкихъ законодательныхъ памятниковъ XV и XVI ст. Любопытно, что терминъ *баштина* встрѣчается и въ турецкихъ постановленіяхъ нынѣшняго столѣтія.

Третья маленькая работа „*Удава или самогласко апиење за дуѣ*“ посвящена историко-юридическому вопросу объ *удавѣ* или самовольномъ задержаніи за долгъ. Поставивъ сербскій обычай *удавы* въ связь съ однородными обычаями, внесенными въ средневѣковыя законодательства западныхъ народовъ, авторъ выбираетъ изъ древнихъ сербскихъ источниковъ всѣ относящіяся къ этому предмету данныя и слѣдитъ за судьбой обычая. По его мнѣнію *удати* первоначально значило самовольно схватить и задержать должника, съ тѣмъ чтобы потомъ предать его суду за невыплаченный долгъ. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ прогресса въ правовыхъ понятіяхъ, кредиторъ уже не хваталъ и не задерживалъ самъ лично должника, а дѣлали это власти; такое задержаніе также называлось *удавой*. Наконецъ позже этимъ терминомъ стало обозначаться всякаго рода обвиненіе. Противъ *удавы* въ первомъ значеніи возставали сербскіе короли начиная съ Милутина; въ Законникѣ Душана этотъ обычай категорически запрещается. Тѣмъ не менѣе онъ долго не могъ исчезнуть: въ разныхъ глухихъ углахъ сербской земли, гдѣ письменное право уступало обычному, *удава* держалась въ народномъ быту еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, да и теперь кое-гдѣ держится, какъ это видно изъ сборника обычного права Богишича ¹⁾).

¹⁾ Sbornik Sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slavena, u Zagrebu. 1874.